

ВО ВЛАДИВОСТОКЕ

Весть о выступлении революционных масс в Петрограде дошла до Владивостока 26 октября. В этот же день поздно вечером мы узнали и о свержении Временного правительства.

Краевой комитет партии большевиков разослал всех своих членов на предприятия, в казармы, на улицы. Город бурлил, он превратился в сплошной митинг. Всюду толпы, взволнованные, накаленные. Люди спорят друг с другом, доказывают и отвергают, торжествуют и негодуют.

Общее собрание рабочих механических мастерских военного порта сказало:

— Мы приветствуем революционный и решительный шаг петроградского пролетариата и революционных солдат и считаем справедливым их требование перехода власти к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Портовиков поддержали рабочие мастерских Добровольного флота:

— Заявляем всем тем, кто посмеет поднять свои грязные лапы против Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов: мы выйдем с оружием в руках на защиту и поддержку рабочих. Мы умрем с оружием в руках за лозунг: «Вся земля в руки трудового крестьянства, а власть — Советам рабочих и солдатских депутатов!»

Через несколько дней во Владивосток пришла телеграмма от Центрального Исполнительного Комитета Советов Сибири. В ней говорилось: «Подтверждая свою позицию о переходе власти к Советам, Центросибирь предлагает всем Советам Сибири осуществить этот переход возможно безболезненно... Подчинить Советам все органы политической, военной и гражданской власти».

Но большинство в Совете нами, большевиками, еще не было завоевано. Эсеры и меньшевики, бравирюя своим кажущимся — численным — перевесом, внесли на исполком предложение не признавать Совет Народных Комиссаров. В ответ на эту вражескую вылазку прокатилась волна вооруженных демонстраций. Матросы, рабочие, солдаты, служащие шли с винтовками. На алых полотнах лозунги: «Вся власть Советам рабочих и солдатских депутатов!», «Да здравствует Совет Народных Комиссаров!», «За Лениным!»

Соглашатели лишний раз убедились, что решающее слово всегда остается за народом. Они слишком понадеялись на свой прошлый авторитет, а его-то уже и не было. Вот что писал в большевистскую газету «Красное знамя» рабочий-меньшевик: «Рухнула вся надежда. Если раньше... я надеялся, верил, что центр нашей партии все же способен расширить и углубить революцию (о правом крыле и думать противно), то теперь глубоко засела только одна мысль: социализм и революция гнездятся только в сердцах крайнего левого крыла социалистов (большевиков)». И дальше, рассказывая о делах меньшевиков: «Помойной ямой от всего этого так и несет».

Помню, как в одном из своих выступлений матрос с крейсера «Орел» Крамаренко точно охарактеризовал политическую обстановку на флоте:

— Хотя большинство из матросов было записано в партию социалистов-революционеров, они в настоящее время уже вернули свои квитанции обратно.

Да, дальневосточные моряки, осознав истинное положение вещей, «возвращали квитанции».

В конце октября собрался на митинг 4-й пехотный полк.

— Мы слишком бросались словом «товарищ»,— возбужденно говорил пожилой солдат.— Товарищ не тот, кто тебе руку пожмет, товарищ огнем испытан должен быть. Кто трудовому люду сейчас товарищ? Тот, кто за Лениным идет, тот, кто за Советы кровь льет!

В казарму вошла группа рабочих. Седоусый человек поднял руку:

— Товарищи! — И необычно, по-новому прозвучало сейчас это обращение.— Товарищи! Довольно разговоров. Настало время братья за оружие. Рабочим нужны винтовки. Помогите их достать.

В эту же ночь солдаты 4-го полка принесли красногвардейцам 300 винтовок. Следом за ними минеры дали тысячу.

Меньшевистско-эсеровская часть Совета, пытаясь сорвать вооружение владивостокского пролетариата, отдала распоряжение закрыть железнодорожные мастерские. Они не остановились перед тем, чтобы выбросить на улицу 4 тысячи рабочих. Однако соглашатели не учли существенного факта: хотя формально власть еще не принадлежала большевикам, реальной властью обладали только большевики. По их призыву мастерские не подчинились приказу. Железнодорожники вооружились и продолжали работать.

Огромное впечатление на дальневосточников произвело следующее воззвание:

«Сучанский Совет рабочих депутатов от души приветствует постановление Всероссийского съезда Советов рабочих, военных и крестьянских депутатов, гласящее, что вся власть должна перейти в руки Совета рабочих депутатов. Мы шлем свой сердечный привет новому революционному правительству народных ко-

миссаров и обещаем поддерживать Советскую власть как искреннюю выразительницу и заступницу интересов трудового народа нашей многострадальной родины. В то же время мы предлагаем краевому комитету в Хабаровске и Владивостокскому Совету сделать решительный шаг, чтобы вся власть в здешнем крае была в руках этих революционных органов местной демократии. Мы делегируем председателя нашего Совета во Владивосток и члена Сучанского Совета в Хабаровск для оказания всяческого содействия тому крылу Советов, которое стремится к переходу власти в руки Советов».

Шахтеры Сучана — в то время наиболее революционный пролетарский отряд Приморья — первыми в крае провозгласили Советскую власть.

Мне, как председателю Владивостокского комитета РСДРП(б), приходилось постоянно встречаться с рабочими, солдатами, матросами. Они говорили:

— Рабочий контроль мы установили, надо дальше действовать.

— Сучан — советский, пора и нам...

По призыву большевиков во Владивостоке началась вооруженная демонстрация. Поднимаются в мозолистых руках лозунги: «Власть Советам!», «За Лениным!»

Демонстранты направлялись к Народному дому, где проходил пленум Совета. Зал заседаний заполнен рабочими и солдатами. На трибуне — депутат-большевик А. Нейбут.

— Совет должен избрать такой исполнительный комитет, который мог бы выполнять функции твердой пролетарской власти и непоколебимо выполнять решения Совета Народных Комиссаров.

Зал отвечает бурными аплодисментами.

— Ура! — раздается в зале и, подхваченное за стенами Народного дома, разносится по площадям и улицам. Владивосток поддерживает большевистское предложение.

В новом исполнительном комитете преобладают большевики. Председателем исполкома избирается большевик К. А. Суханов.

Спустя несколько дней — 29 ноября 1917 года — исполком Владивостокского Совета, выполняя требование 30 тысяч пролетариев и 46 тысяч матросов Сибирской флотилии и солдат владивостокского гарнизона, вынес решение о взятии власти в свои руки. 32 человека — «за», трое — «против». Постановление гласило: «Объединенный исполнительный комитет является представителем центральной Советской власти, высшим органом в городе, проводящим в жизнь волю Советского правительства, регулирующим и контролирующим все правительственные учреждения и жизнь города».

Власть во Владивостоке перешла к Совету без единого выстрела.

...Часть солдат владивостокского гарнизона готовилась к отправке домой.

На заседании партийного комитета А. Гульбинович, рабочий военного порта, предложил:

— Следует нам вот над чем подумать: хорошо бы этих солдат сделать агитаторами. Силища-то какая!.. Разъедутся они по городам и селам, вот пусть и расскажут, что такое Советы. Нехай всех оповестят, что аж на самом Тихом океане пролетариат и трудовое крестьянство теперь хозяева жизни.

Отличная мысль! И вот около 500 солдат, уезжающих домой, прошли специальные курсы по программе комитета большевиков. Через некоторое время мы получили первое письмо.

«Держитесь стойко, товарищи! — писали солдаты 3-го запасного телеграфного батальона.— Знайте, что на всем протяжении пути от Владивостока до Красноярска (откуда мы пишем) подавляющее большинство за нами.

Да здравствует партия социал-демократов большевиков!

Позор соглашателям-банкротам!»

Переход власти к Советам проходил при жестоком сопротивлении контрреволюционных элементов. Комиссар Временного правительства эсер Русанов, предвидя конец своей власти, задумал, в противовес власти Советов, организовать антинародную власть в лице съезда земских и городских самоуправлений. Его замыслы были своевременно разоблачены большевиками. Русанова арестовали. Меньшевики и эсеры подняли вопль, они пытались взбудоражить обывателей, неустойчивую, колеблющуюся часть рабочих. Красногвардейцы, солдаты 730-й дружины и матросы Амурской флотилии заняли важнейшие пункты города: почту, телеграф, телефонную станцию, электростанцию, вокзал, казначейство, банки. Большевики не дали разгореться пожару.

В декабре в Хабаровске был созван III Дальневосточный краевой съезд Советов. Прибыли делегаты от Владивостока, Никольска-Уссурийского, Благовещенска, Спасска, Зеи, Харбина, Сучана, Николаевска-на-Амуре и других городов. Из 84 делегатов большевиков — 41, эсеров — 27, меньшевиков — 9.

Однако было бы ошибочным исходить лишь из количества представителей тех или иных партий. Не цифры характеризовали обстановку. Так, например, немало левых эсеров, таких, как В. Вонсик, В. Сухарников, А. Санаров, М. Ковальчук, М. Тайшин, П. Федорец, Н. Поспелов, голосовали за большевистские предложения, вместе с нами вели борьбу против буржуазии. Впоследствии многие из них отдали свою жизнь, сражаясь за Советскую власть с интервентами и белогвардейцами.

Помню, как виляли, юлили и лгали меньшевики на съезде. Их лидер Вакулин распинался:

— Мы разное смотрим на характер русской революции. Большевики указывают, что русская революция носит в себе зародыш социалистической революции, но мы мыслим социалистический переворот только в мировом масштабе. В Западной Европе, может быть, имеются экономические предпосылки для социального пере-

ворота, но зато там еще не созрели предпосылки психологические. У нас же наоборот.

Зал развеселился. С мест послышались ядовитые реплики, смех. На помощь обескураженному вождю поспешил Левитас, тоже меньшевик.

— Большевики способны только на насилие! — кричал он, размахивая руками.— В Петрограде большевики разогнали Думу. Они говорят, что хотят завоевать социализм, но зачем они это делают, когда мы социализма не хотим в настоящее время!

Невообразимый шум заглушил его слова. Он, словно бы подавившись, безмолвно раскрывал рот.

— Объяснимся наконец! — воскликнул кто-то.— Всем давно уж известно, что вам социализма не надо. Оно понятно, под крылышком буржуазии тепло небось.

Меньшевики сами потащили Левитаса с трибуны, даже они не ожидали столь откровенного саморазоблачения.

Глубокая тишина воцарилась в зале, когда зачитывался проект постановления съезда. Восторженными аплодисментами ответили представители трудового народа на следующее заявление резолюции: «...призывая Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов стать несокрушимым оплотом защиты завоеваний революции и борьбы против контрреволюционных попыток, III краевой съезд Советов Дальнего Востока провозглашает единственным представителем центральной власти Дальневосточный краевой Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов... Совет должен проводить неуклонно и немедленно в жизнь все декреты, постановления и распоряжения правительства в лице Совета Народных Комиссаров, бороться имеющимися в его руках мерами с контрреволюцией, продовольственной, железнодорожной, почтово-телеграфной и финансовой разрухами и установить твердую власть, опирающуюся на широкие массы трудового народа».

*Шаги революции. Великий Октябрь
глазами современников. М., 1967,
с. 218—224*